Михаил Ардов

НАЛОГОВИК: ВОЗВРАЩЕНИЕ В СССР

ТОМ 1

Михаил Ардов

Налоговик: возвращение в СССР. Том 1

«Автор»
2026

Ардов М.

Налоговик: возвращение в СССР. Том 1 / М. Ардов — «Автор», 2026

Каково это — уснуть жестким, циничным инспектором ФНС в 2026 году, а проснуться осенью 1979-го? Вокруг развитой социализм, тотальный дефицит, бумажные отчеты и деревянные счёты вместо привычных баз данных. Теперь ты — Виктор Токарев, 25-летний младший ревизор КРУ Минфина СССР с тремя рублями в кармане и комнатой в коммуналке.Начальство отправляет тебя на «расстрельную» проверку отстающей обувной фабрики. Местный директор уже приготовил дефицитную колбасу и путевку в санаторий, чтобы прикрыть дыры в балансе. Но он не знает, что у нового ревизора — профессиональная деформация и «финансовое зрение» из будущего. Там, где советские следователи видят идеальный отчет, Виктор за два часа находит подпольный цех, левые миллионы и схемы, от которых задрожит весь обком.Спасать разваливающийся Союз? Ну уж нет. Виктор решает использовать знания будущего, чтобы построить личную теневую империю и стать самым богатым человеком в СССР. Главное — обыграть систему и не попасться ОБХСС.

© Ардов М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Дисклеймер автора 5
Глава 1. Инструкция по выживанию в развитом социализме 6
Глава 2. Психологическая разведка и запах кожаной обуви 8
Глава 3. Магия цифр против Госплана 10
Глава 4. Ночной обход и материальный след 12
Глава 5. Тайники «Красного пролетария» 14
Г 16
Конец ознакомительного фрагмента. 17

Михаил Ардов
Налоговик: возвращение в СССР. Том 1

Дисклеймер автора

Все персонажи, организации, товарные знаки и события, описанные в данном произведении, являются вымышленными. Любые совпадения с реальными людьми, живыми или умершими, а также историческими событиями и финансовыми проверками прошлых лет — чистая случайность.

Автор не преследует цели исказить историю, оскорбить чьи-либо чувства или дать реальные инструкции по нарушению советского (или любого другого) законодательства. Пожалуйста, помните, что это художественный вымысел в жанре альтернативной истории, созданный исключительно для развлечения читателей.

Все экономические расчеты, теневые схемы и методы аудита, представленные в книге, адаптированы под законы жанра и не являются прямым руководством к действию.

Глава 1. Инструкция по выживанию в развитом социализме

Открывать глаза не хотелось. В голове с глухим металлическим ритмом грохотал кузнечный цех, а во рту словно переночевал отряд бродячих кошек.

«Переборщил вчера с коньяком, — вяло подумал я, нащупывая рукой край кровати в надежде найти смартфон и посмотреть время. — Анатолич подсунул какую-то паленку после аудита ТехноМаша... Всё, с понедельника точно пишу заявление. Уйду в консалтинг, здоровье дороже».

Пальцы вместо привычного прохладного пластика гаджета наткнулись на что-то жесткое, угловатое и шершавое. Ладонь ощутила грубую ткань пододеяльника, пахнущего дешевым стиральным порошком и сыростью.

Я заставил себя разлепить веки. Перед глазами поплыл потолок. Но не мой родной, идеально ровный натяжной глянец с точечными светильниками, а желтоватый, побеленный известкой, со следами былых затоплений и жирной трещиной в углу.

Я резко сел. Кровать под обойный хруст пружин жалобно звякнула на всю комнату.

— Какого… — хриплый, незнакомый и слишком молодой голос сорвался на сип.

Комната была чужой. Маленькая, квадратная, метров двенадцать от силы. Вместо привычного шкафа-купе у стены высился тяжелый полированный монстр советской мебельной промышленности на тонких ножках. Из-под него торчал край выцветшего ковра с дурацким геометрическим узором. На стене на одном честном слове держался перекидной бумажный календарь. С глянцевой страницы смотрела неестественно молодая Алла Пугачева, а чуть ниже чернели жирные цифры: **1979 год, октябрь**.

На тумбочке у кровати высилась аккуратная стопка журналов «Бухгалтерский учет» и лежали массивные деревянные счёты. Их костяшки тускло поблескивали в лучах пробивающегося сквозь тюль утреннего солнца.

Я в панике посмотрел на свои руки. Пальцы были тонкими, без привычной мозоли от компьютерной мыши на правом запястье. Кожа — гладкой, молодой, без пигментных пятен моих сорока пяти лет.

Стоп. Какие сорок пять?

В висках застучало. В памяти четко, во всех красках вспыхнул мой последний день в 2026 году. Поздний вечер, пустой кабинет налоговой инспекции, литры кофе, душная отчетность крупного холдинга на экране монитора и резкая, разрывающая грудь боль. Инфаркт. Я же отчетливо помнил, как упал лицом на клавиатуру, теряя сознание... Я умер там, в своем будущем. Умер на рабочем месте, не успев дописать заключение по выездной налоговой проверке.

Из-за тонкой стены донесся отчетливый грохот кастрюль и пронзительный, визгливый женский крик:— Токарев! Ты встаешь там или нет?! Из-за твоего перегара опять вся коммуналка без горячей воды останется! Щукин вон уже полчаса в очереди в ванную исходит, матом сыплет!

В этот момент в прихожей бешено затрещал старый дисковый телефон. Голова взорвалась новой вспышкой боли, и поверх моих воспоминаний взрослого налоговика из двадцать первого века хлынула лавина чужой, местной памяти.

Теперь я Виктор Николаевич Токарев. Мне двадцать пять лет. Выпускник финансового института, комсомолец с чистой анкетой, холост. Должность — младший ревизор Контрольно-ревизионного управления (КРУ) Минфина СССР. И сегодня — я вспомнил это с

отчетливым уколом страха — мой первый день большой выездной проверки. На подмосковной обувной фабрике «Красный пролетарий».

В памяти всплыло лицо вчерашнего собутыльника, старшего коллеги по управлению, который подмигивал мне в пивной: *«Ты, Витя, главное не копай глубоко. Директор там человек уважаемый, со связями в Обкоме. Нарисуй мелкие недочеты по пожарке, подпиши акт, он тебе и путевочку в Гагры организует, и завернутую в Правду пачку сторублевок в портфель сунет. Все так делают»*.

— Ну уж нет, товарищи, — прошептал я, окончательно приходя в себя и натягивая висевшие на стуле отутюженные, но жутко колючие брюки. — Путевочка в Гагры — это, конечно, хорошо. Но я двадцать лет в налоговой отпахал. Я ваши советские балансы, где всё на коленке и счётах считается, наизнанку выверну.

Я подошел к небольшому зеркалу на дверце шкафа. Из глубины амальгамы на меня смотрел симпатичный, коротко стриженный парень с квадратным подбородком и жесткими, совсем не свойственными двадцатипятилетнему юнцу глазами. Глазами человека, который видел крах банков, офшорные схемы и миллиардные уголовные дела.

— Ладно, Витя, — ухмыльнулся я своему отражению, поправляя воротник серой рубашки. — Посмотрим, сколько стоит социалистическая законность, и как мы на ней заработаем.

Выйдя в длинный, темный коридор коммуналки, пахнущий жареным луком и старыми вещами, я проигнорировал косой взгляд соседа Щукина, стоявшего в трусах и с махровым полотенцем на плече. Быстро умылся ледяной водой из-под крана, наскоро почистил зубы мятным порошком из картонной коробочки и вернулся в комнату.

Я взял в руки свой потертый дерматиновый портфель. Внутри лежали чистые бланки актов ревизии, перьевая авторучка, блокнот и пачка сигарет «Космос». Часы «Полет» на запястье показывали без двадцати восемь. Пора выходить на автобус.

Впереди меня ждал «Красный пролетарий» и его директор, который еще не знал, что к нему едет проверка из двадцать первого века.

Глава 2. Психологическая разведка и запах кожаной обуви

До подмосковной обувной фабрики «Красный пролетарий» я добирался больше часа. Сначала в душном, как филиал ада, желтом ЛиАЗе-677, который на каждой колдобине подпрыгивал так, словно пытался катапультировать пассажиров через люк в потолке. Автобус пах бензином, промокшими драповыми пальто и дешевым табаком. Я стоял, вцепившись в поручень, и рассматривал хмурые, заспанные лица советских граждан. Память тела подсказывала их маршруты, а мой собственный разум из 2026 года раскладывал их по категориям потенциальных налогоплательщиков. «НДФЛ тринадцать процентов, прогрессивной шкалы нет, вычетов почти никаких... Дикая эпоха», — крутилось в голове.

Фабрика встретила меня серым бетонным забором с оптимистичным лозунгом «Пятилетку — в четыре года!» и проходной с тяжелыми вертушками. Из цехов тянуло резким, въедливым запахом обувного клея, дубленой кожи и машинного масла.

Кабинет директора располагался на втором этаже административного корпуса. Секретарша Людочка, пышноволосая девица с густо накрашенными ресницами, при виде моего Минфиновского удостоверения испуганно пискнула и тут же юркнула в кабинет шефа. Через полминуты она высунулась обратно:— Проходите, товарищ ревизор. Степан Альбертович вас ожидает.

Директор фабрики, Степан Альбертович Зимин, оказался массивным мужчиной лет пятидесяти с окладистой шевелюрой и тяжелым взглядом номенклатурщика со стажем. Он сидел за столом, на котором высилась стопка папок-скоросшивателей, а рядом стоял массивный телефонный аппарат номенклатурной связи. При моем появлении Зимин расплылся в широкой, подчеркнуто гостеприимной улыбке, которая, впрочем, не затронула его колючих глаз.

— А-а, молодой специалист! Наша смена, КРУ Минфина! — зычно пробасил директор, поднимаясь навстречу и протягивая широкую ладонь. — Витя, верно? Мне твой начальник, Михалыч, звонил вчера. Предупреждал, что парень ты дотошный. Присаживайся, присаживайся. Людочка, организуй нам чайку! В подстаканниках!

Я спокойно сел на предложенный стул с дерматиновой обивкой, положил портфель на колени и заглянул Зимину прямо в глаза. Тот слегка нахмурился — советские молодые специалисты обычно тушевались перед авторитетом хозяина фабрики, а тут...

— Благодарю, Степан Альбертович, — ровно ответил я. Мой голос звучал спокойно и веско. — Но чай позже. Давайте сначала подпишем предписание о начале плановой комплексной ревизии финансово-хозяйственной деятельности. Мне нужны книги учета материальных ценностей, журналы ордеров по счету производства и журналы учета готовой продукции за последние два квартала.

Зимин на секунду замер. Улыбка на его лице стала слегка резиновой. Он ожидал, что парень сначала расспросит про обед, согласится на путевку, а документы посмотрит завтра, «для галочки».

— Ну зачем же так сразу с места в карьер, Виктор Николаевич? — директор доверительно наклонился вперед, понизив голос. — Мы же все люди государственные, понимаем... Фабрика план дает, на хорошем счету в Обкоме. Недочеты, конечно, есть — у кого их нет? Но мы их в рабочем порядке устраним. Вот, к слову... — он открыл нижний ящик стола, достал оттуда плотный синий конверт и аккуратно пододвинул его по лакированной поверхности стола в мою сторону. — Профком тут выделил. Горящая путевка в санаторий «Белая акация», Сочи. Поправишь здоровье, море, фрукты... Михалыч твой там в прошлом году отдыхал, очень хвалил.

Я перевел взгляд на конверт. Внутри него явно угадывалась еще и плотная пачка советских купюр. Классика жанра. Взятка должностному лицу в особо крупных размерах по меркам УК РСФСР. За такое Зимину светил расстрел с конфискацией, а мне — позорное увольнение.

Я откинулся на спинку стула и слегка улыбнулся. Цинично, как умеют только налоговики с двадцатилетним стажем, поймавшие крупного обнальщика.

— Красивый санаторий, Степан Альбертович, — тихо сказал я, даже не прикоснувшись к конверту. — Но черноморский климат мне вреден. Сердце, знаете ли. Так что давайте вернемся к балансовым отчетам. Жду документы через двадцать минут в предоставленном мне кабинете.

Зимин медленно убрал руку от конверта. Его лицо мгновенно потемнело, а дружелюбие слетело, как шелуха. В глазах директора вспыхнула опасная, звериная злость человека, который понял: перед ним не зеленый комсомолец, а враг. И этот враг пришел по его душу.

Глава 3. Магия цифр против Госплана

Директор Зимин выделил мне каморку на первом этаже, рядом с архивом. Помещение пахло мышами, лежалой бумагой и сыростью. На колченогом столе высились три массивные стопки папок в картонных переплетах — первичная документация, журналы ордеров и отчеты по расходу сырья. В углу сиротливо примостились тяжелые деревянные счёты. Местный бухгалтер, полная женщина в нелепом вязаном кардигане, притащила их с ехидной улыбкой: «У нас ЭВМ в управлении нет, товарищ ревизор. Считайте ручками».

Она не знала, что мне не нужны компьютеры, чтобы увидеть ложь. Мозг налоговика из 2026 года работал быстрее любого советского калькулятора.

Я закрыл дверь на задвижку, снял пиджак и углубился в цифры. Советская плановая система учета была громоздкой, но удивительно наивной. Она строилась на доверии к показателям. Зимин и его главбух были уверены, что если баланс сходится до копейки, то комар носа не подточит. Но они не учли одну вещь — материальный след.

Я открыл ведомость расхода клея марки «Наирит» и сопоставил её с актами списания брака кожи и объемами потребления электроэнергии.

Через три часа напряженной работы в моем блокноте сложилась идеальная математическая картина преступления. Фабрика официально производила 10 тысяч пар мужских ботинок в месяц. Но по расходу спец-клея и электроэнергии выходило, что станки работали на треть дольше. При этом в актах списания значился «катастрофический брак подошвы» — якобы тридцать процентов материалов уходило в утиль из-за плохой партии резины.

— Ну надо же, какой серийный брак, — прошептал я, закуривая сигарету «Космос» прямо в форточку. — Вот только если подошву списали как брак, где акты её утилизации? Где объемы вывоза отходов? Их нет.

Зимин списывал качественное сырье как брак, а затем в ночную смену шил из него дефицитные, ультрамодные женские сапоги на платформе. Те самые, за которыми советские женщины стояли в многочасовых очередях и переплачивали фарцовщикам по тройной цене. Это был не просто мелкий вынос с завода. Это был полноценный, отлично отлаженный подпольный цех с оборотом в десятки тысяч рублей в месяц.

Я аккуратно закрыл папки, сложил свой блокнот с расчетами в портфель и щелкнул замками. Ниточка была у меня в руках. Осталось дернуть за неё так, чтобы директор фабрики сам приполз договариваться на моих условиях.

Глава 4. Ночной обход и материальный след

Проверку складов готовой продукции я намеренно перенес на самый конец рабочего дня, когда основная масса рабочих уже потянулась к проходной. Советские люди спешили по домам — в гастрономы завезли докторскую колбасу, и упускать очередь никто не хотел.

Территория фабрики стремительно пустела, погружаясь в сырые октябрьские сумерки. Зажглись редкие желтые фонари, отбрасывая длинные, зловещие тени на кирпичные стены цехов. Я шел по территории, нарочито громко стуча каблуками по разбитому асфальту, держа в руке заветный план-схему предприятия.

Склад цеха 3 встретил меня массивной железной дверью и гулким эхом внутри. Пахло сыростью, картоном и новой резиной. В глубине помещения, среди бесконечных стеллажей с коробками, горела одинокая лампочка. За деревянным столом, заваленным накладными, сидела женщина лет сорока пяти в теплом пуховом платке на плечах — Анна Петровна, старший технолог и по совместительству материально ответственное лицо. При моем появлении она вздрогнула, а ручка в её руке дернулась, оставив на бумаге жирную чернильную кляксу.

— Товарищ ревизор? — её голос прозвучал слишком тонко, испуганно. — А мы уже закрываемся... Журнал сдан под охрану.

— Ничего страшного, Анна Петровна, — я прошел вглубь склада, небрежно проведя пальцем по пыльной полке стеллажа. — У КРУ Минфина особые полномочия. Давайте проведем выборочную сверку остатков. Меня интересует сектор «Б» — тот самый, где у вас, судя по актам, хранится отбракованная подошвенная резина. Три тонны, если верить бумагам за этот месяц.

Женщина побледнела так, что на её лице отчетливо проступили морщины. Она судорожно сжала пальцы, пряча их под платок.

— Она... её вывезли, — затараторила технолог, отводя глаза. — В утильсырье. Вчера машина приезжала из автобазы 2. Акт у директора на подписи.

— Вот как? — я остановился прямо перед её столом и оперся на него руками, глядя на женщину сверху вниз. Мой взгляд, отточенный годами допросов матерых неплательщиков налогов, буквально пригвоздил её к стулу. — А вот по моим данным, Анна Петровна, никакая машина из автобазы вчера не заезжала. В журнале на проходной пусто. Зато две недели назад на фабрику завезли партию итальянской фурнитуры для женских сапог, которая вообще не значится в официальном плане Госплана. Будем оформлять соучастие в хищении социалистической собственности в особо крупных размерах или поговорим чистосердечно?

Анна Петровна тихо всхлипнула. В её глазах отразился первобытный ужас советского человека перед неминуемой тюрьмой.

— Я не виновата... — прошептала она, закрывая лицо руками.— Степан Альбертович приказал... У меня дети, товарищ ревизор! Нас всех под расстрел подведут!

— Тише, — я мягко, но настойчиво коснулся её плеча. — Расстрел — это если дело дойдет до прокурора. А пока дело находится у меня в портфеле. Рассказывайте, Анна Петровна. Всё. Где вы прячете готовую левую продукцию и кто её вывозит?

Глава 5. Тайники «Красного пролетария»

Анна Петровна плакала тихо, без всхлипов, лишь плечи под шерстяным платком мелко дрожали. Она раз за разом вытирала глаза скомканным носовым платком, оставляя на бледных щеках разводы от дешевой туши.

— Степан Альбертович не простит, — прошептала она, с ужасом глядя на закрытую дверь склада. — У него везде свои люди. И в милиции, и в Обкоме… Меня же сотрут, Виктор Николаевич. И мужа из института уволят.

— Не простит, если узнает, кто его сдал, — я присел на край стола, доверительно наклонившись к ней. Мой голос звучал мягко, но в нем звенела сталь. — А со мной у вас появляется шанс. Напишете чистосердечное — пойдете как свидетель, под моим крылом. Отчет Минфина — это вам не милицейский протокол, его в корзину не выбросишь, если он на стол к министру ляжет. Показывайте склад, Анна Петровна. Время играет против нас.

Технолог тяжело вздохнула, поднялась со стула и на неслушающихся ногах пошла в самую глубь помещения, к дальнему тупику между стеллажами. Там высились штабеля пустых деревянных ящиков из-под станочного оборудования. Запах клея и кожи здесь сменялся густым, удушливым ароматом нафталина и дорогой импортной смазки.

Она оглянулась, словно вор, и потянула за край неприметную маскировочную брезентовую штору. За ней обнаружилась неприметная серая дверь, обитая железом, с массивным навесным замком. Анна Петровна достала из кармана халата связку ключей. Руки её так ходили ходуном, что она трижды не могла попасть в замочную скважину. Наконец замок с тяжелым лязгом поддался.

— Сюда… — выдохнула она, отступая в сторону.

Я толкнул дверь и переступил порог. Под потолком тускло загорелась лампа-переноска, выхватив из темноты скрытое от глаз Госплана пространство.

У меня, повидавшего в 2026 году подпольные склады контрафакта и миллионные аресты имущества, на секунду перехватило дыхание. Здесь, в масштабах советской плановой экономики, это было настоящее Эльдорадо.

Вдоль стен до самого верха тянулись ровные стеллажи. На них стояли не стандартные, унылые картонные коробки с гостовскими штампами, а импортная тара. Я подошел ближе

и снял крышку с верхней коробки. Внутри, проложенные тончайшей папиросной бумагой, лежали изящные женские сапожки из мягкой, превосходно выделанной австрийской кожи на высокой модной платформе. Рядом — коробки с дефицитными зимними ботфортами, отделанными натуральным мехом.

Настоящий дефицит. То, ради чего советские женщины были готовы продать душу, а спекулянты отдавали по сто пятьдесят рублей за пару при официальной средней зарплате инженера в сто сорок.

В дальнем углу тайника стоял массивный несгораемый сейф, обклеенный старыми газетами для маскировки, а рядом с ним — аккуратно сложенные рулоны дефицитной заграничной кожи, которую официально списали как «сгоревшую при пожаре на складе сырья» три месяца назад.

Я прошел вдоль рядов, прикинув объемы в уме. Здесь лежало не меньше полутора тысяч пар. В ценах черного рынка — это четверть миллиона рублей. Фантастическое богатство по меркам 1979 года. Цена нескольких роскошных дач, пяти кооперативных квартир и десятка новеньких «Волг». Директор Зимин не просто подрабатывал, он создал здесь подпольный синдикат, обеспечивающий обувью всю партийную элиту области и московских фарцовщиков.

Я повернулся к замершей у двери Анне Петровне. На моем лице играла хищная, чисто налоговая улыбка. Ниточка превратилась в толстый канат, который я уже намыливал для шеи товарища Зимина.

— Отлично, Анна Петровна, — тихо сказал я, доставая из портфеля блокнот ревизора. — Запирайте дверь. Завтра утром мы со Степаном Альбертовичем детально обсудим его «сочинские Гагры». И поверьте, теперь условия в этой игре диктовать буду я.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.